

Т. Е. АВТУХОВИЧ

**ЛИТЕРАТУРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
В РОМАНЕ «НЕСЧАСТНЫЙ НИКАНОР,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЖИЗНИ
РОССИЙСКОГО ДВОРЯНИНА Н*****»**

Взаимодействие литературы и действительности в произведении любой эпохи всегда сложно и неоднозначно и потому вызывает естественное желание читателя и исследователя разгадать возможные намеки на реальные события и найти им документальное подтверждение. Однако реконструкция жизни по литературным текстам сопряжена с определенными трудностями, которые ощутимо заявляют о себе при общении с произведениями, отделенными от читателя большой исторической дистанцией, а также созданными в так называемые «переходные эпохи», когда пересматриваются принципы взаимодействия между художественным вымыслом и реальностью и когда, с одной стороны, бытовое поведение строится по литературным моделям и именно авторитетные литературные модели определяют последующую презентацию действительности в тексте,¹ а с другой стороны, повторяющиеся в разных текстах бытовые детали и ситуации постепенно приобретают статус литературной топики. Соответственно дифференциация сюжетных клише

¹ См.: *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // *Из истории русской культуры.* Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996; *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Форуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998 и др.

как проявлений общелитературной топики и фактов исторической действительности, а также деталей повседневного быта без обращения к разного рода контекстам становится почти невозможной.

На это в свое время обращал внимание Ю. М. Лотман, который подчеркивал «полиглотизм, эстетическое многоязычие XVIII в.», показывая, что в тех стихотворениях Державина, где современный исследователь склонен видеть реалистическую тенденцию, на самом деле присутствует эмблематическая традиция, предполагающая выявление символических подтекстов мнимо достоверного описания.² Возможно и обратное утверждение: там, где читатель склонен видеть исключительно использование литературной топики и авторский вымысел, на самом деле проявляется документальная основа.

Принцип эстетического многоязычия регулирует соотношение литературы и действительности и в прозе последней трети XVIII в., в которой факты и детали повседневной жизни «подсвечиваются» доминантным для автора литературным дискурсом и включаются в вымысел литературного, часто заимствованного из европейских источников происхождения. Совмещение в пределах одного произведения документального материала и разных литературных призм его осмысления обуславливает в прозе XVIII в. поистине фантастический облик и героя, и изображаемой действительности.

Данное обстоятельство определило, с одной стороны, скептическое отношение к романной прозе XVIII в. как источнику сведений об исторической реальности,³ с другой стороны, безоговорочное признание ее достоверности.⁴ На наш взгляд, напряжение между литературой и действительностью, которое характеризует целостность любого текста последней трети XVIII в., должно определять стратегию исследователя при его интерпретации, исключая абсолютизацию как вымышленного, так и документального характера

² Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 132.

³ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 42–45, 621–622.

⁴ Ситовский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 903–904 и др.

повествования и предполагая выявление путей «олитературирования» реальной действительности.

Характерный пример в этом отношении представляет анонимный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****». Документальная основа произведения отличает его от других ранних образцов романного жанра в русской литературе XVIII в., что дало основания известному исследователю истории русского романа В. В. Сиповскому считать «Несчастливого Никанора» результатом «романизации русской жизни».⁵ В то же время В. Б. Шкловский, отдавая должное документированности повествования в первых двух частях романа, отмечал «инерционность» его третьей части; более того, считал искусственным соединением в романе документированной и сюжетной, явно литературного происхождения, линий повествования, указывая на имеющиеся многочисленные неувязки, в том числе на примитивный способ введения стихов в прозу.⁶ Многие исследователи отмечали использование автором разнородных литературных традиций, в том числе плутовского, сентиментального и нравоописательного романа, акцентируя, таким образом, авторскую несамостоятельность. Указание на связь приема рамочного повествования с традицией сказок типа «1001 ночь» сводило содержание романного обрамления к вымыслу, а его функцию — к переключению внимания читателя с рассказа о драматических событиях в жизни героя на анекдотические ситуации, имевшие место в его старости.

Этапы служебной биографии героя романа совпадают с вехами жизни Александра Петровича Назарьева,⁷ ранее известного своими поэтическими произведениями.⁸ Архивные документы подтверждают тезис В. В. Сиповского о «романизации жизни» в произведении и не противоречат выводам В. Б. Шкловского об автономном сосуществовании в нем литературного вымысла и документиро-

⁵ Там же. С. 672.

⁶ Шкловский В. Б. Матвей Комаров, житель города Москвы. Л., 1929. С. 262–290.

⁷ Автухович Т. Е. Анонимный роман «Несчастный Никанор». (Эпизод из истории формирования жанра) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991.

⁸ Автухович Т. Е., Кукушкина Е. Д. Назарьев А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб., 1999. С. 73–87.

ванной реальности. Дальнейшие разыскания показывают, что документальная основа романа гораздо значительнее, и позволяют считать «Несчастливого Никанора» романизированной биографией А. П. Назарьева.⁹

В «Несчастном Никаноре» круг упоминаемых исторических лиц строго мотивирован и локализован служебной биографией автора/героя. Это круг людей, принадлежавших к военному, главным образом инженерному, ведомству, реже — к сферам государственного управления. Так, в романе упоминаются генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адъютант, шеф Сухопутного шляхетного кадетского корпуса князь Василий Аникитич Репнин (1696–1748) и один из лучших военных инженеров XVIII в., полковник с 1741 г., в 1749 г. произведенный в генерал-майоры Илья Александрович Бибиков (1698–1784); вышедший в отставку генерал-аншефом полковник Матвей Андреевич Толстой (1701–1763) и известный русский военный врач и медицинский администратор, грек по происхождению Павел (Панайот) Захарович Кондоиди (1709–1760). Этот профессионально и биографически ограниченный ареал документального материала придает роману «Несчастный Никанор» мемуарный характер. При этом стоит отметить, что, нигде не обозначая времени действия, автор тем не менее скрупулезно следует реальной хронологии событий, что выявляется при сопоставлении книги с данными послужных списков упоминаемых в ней должностных лиц, и это дает возможность, во-первых, датировать описываемые в романе события, во-вторых, уточнить биографию А. П. Назарьева.

Так, если исходить из того, что описанные в первых двух частях романа события происходят в 1747 г. (именно в это время, согласно документам, Александр Назарьев командирован в Аренсбург), то упоминание в тексте об Илье Александровиче Бибикове как о полковнике показывает, что автор опирается на реальные факты, поскольку, как сказано выше, уже в 1749 г. И. А. Бибиков произведен в генерал-майоры.

Еще отчетливее мемуарная основа романа выявляется при сопоставлении его с архивными документами, касающимися других

⁹ Справедливости ради укажем, что В. В. Сиповский называл «Несчастливого Никанора» «романом-автобиографией», не аргументируя, правда, свое мнение. См.: *Сиповский В. В. Очерки...* С. 218.

персонажей. Так, упоминаемые Никанором как друзья и сослуживцы Александр Федорович Бриммер, Данила О., Шв., П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов действительно числятся в списках инженерного ведомства — либо вместе с А. Назарьевым «в кампании» в Риге (А. Ф. Бриммер, Данила Озеров, Петр Шванвич¹⁰ — родственник, а может быть, однофамилец лица, послужившего впоследствии прототипом пушкинского Швабрина), либо в Смоленске, куда были отправлены после окончания инженерной школы, где учились вместе с автором романа (П. И. Козловский и И. Е. Голенищев-Кутузов¹¹). Многие из них впоследствии сделали хорошую карьеру и дослужились до высоких чинов.

Интересный эпизод связан с упоминаемым в романе смоленским губернатором, к которому приводят арестованного при попытке незаконного пересечения границы Никанора. Рассказчик называет фамилию губернатора — Аршеневский. Однако смоленским губернатором Исай Захарович Аршеневский был назначен 16 августа 1760 г., но спустя три года, уже в царствование Екатерины II, обвинен в лихоимстве и отставлен. Его отец, Захарий Иванович (1730 — до 1787), тоже служил в Смоленске, но почтмейстером, а затем советником Смоленской гражданской палаты. В данном случае имеет место факт хронологического смещения. Согласно историческим свидетельствам, в период, к которому «привязывают» действие первых частей романа все другие документы (1747–1748), обязанности смоленского губернатора исполнял вице-губернатор Вилим Бриммер.¹² Возможно, сослуживец А. Назарьева Александр Бриммер, фигурирующий в романе в качестве друга главного героя, был родственником смоленского вице-губернатора, и это обстоятельство в какой-то степени проясняет недостоверное, с точки зрения современных представлений о статусных отношениях в России XVIII в., обстоятельство, что судьбой арестованного рядового кондуктора занимается сам губернатор.

Нельзя не заметить, что круг упоминаемых в романе реальных исторических лиц обусловлен не только служебной, но и личной

¹⁰ РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Ед. хр. 1141, а также ед. хр. 214.

¹¹ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 905. Л. 79 об.–80.

¹² См.: Кононов В. А. Смоленские губернаторы (1711–1917). Смоленск, 2004. С. 59, примеч. 2

биографией А. Назарьева. Например, в романе упоминается в качестве двоюродного брата героя полковник Свечин Иван Иванович. Между тем, согласно документам РГВИА, Иван Свечин, родившийся в 1715 г., получив чин полковника 8 мая 1749 г., служил обер-кригск-комиссаром «в Москве при камисариатской канторе».¹³ Это указание позволяет уточнить время событий, описанных во второй части романа: предприняв отчаянную попытку перейти по льду Днепр, чтобы попасть в Польшу и там соединиться с возлюбленной Анетой, Никанор арестован и отправлен в Москву. Во время допроса он и называет имя И. Свечина, который может засвидетельствовать его личность. Можно предполагать, что скитания героя романа по военному бюрократическому ведомству в попытках получить отпуск происходят летом 1749 г. Интересно, что в исповедальной ведомости церкви священномученика Власия (г. Москва) за 1754 г. отмечены все члены семьи полковника И. И. Свечина. Достоинно внимания и проверки указание В. Б. Шкловского (без ссылок на источник) о том, что в 1749 г. подполковник Свечин — начальник Алатырской провинциальной канцелярии: дело в том, что одна из наследственных деревень Назарьева находилась в Алатырском уезде, там же проживал его отец,¹⁴ а это в свою очередь означает возможность не только родственных, но и деловых контактов между Назарьевым и Свечиным.

Реальные исторические отсылки обнаруживаются и в не столь очевидных случаях. Так, в роман включено много стихов, сочиненных главным героем. Одно из стихотворений, элегического характера, Никанор в качестве утешения подносит матери умершего ребенка, своего воспитанника. У нее редкое имя Агафоклея (в тексте — Агафеклея), что на первый взгляд кажется проявлением авторской фантазии. Однако выясняется, что в романе воспроизводится, хотя и без названия и с небольшой стилистической правкой, «Ода на день кончины артиллерии сержанта Михайла Бахметева сочинена учителем его Александром Н.....» (СПб., б. г.). Согласно библиографическому описанию, данная ода издана в 1770-е гг., автор установлен по экземпляру БАН, находящемуся в одном конволюте с дру-

¹³ РГВИА. Ф. 490. Ед. хр. 623. Л. 57 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 536.

гими произведениями А. Назарьева.¹⁵ Выясняется также, что Алексей Иванович Бахметев (1729–1799) — человек, оставивший заметный след в истории Пензенского края: выйдя в отставку в чине секунд-майора, он в 1764 г. получил разрешение от Екатерины II на строительство в его наследных землях в селе Николо-Пестровке (по другим данным — Никольская Пестровка) Пензенской губернии стекольной и хрустальной фабрики и основал успешное производство. Имя жены А. И. Бахметева — Агафокля Ивановна. Так становится очевидным документальный характер эпизода поднесения элегии. Но если «милостивец», в доме которого живет Никанор, это и есть отец Михаила Бахметева, то соответственно можно предположить, что и в обстоятельствах жизни Никанора, о которых рассказывается в романном обрамлении, также прослеживаются какие-то детали биографии Назарьева.

Значимым в данном контексте оказывается и то обстоятельство, что отец А. И. Бахметева, Иван Иванович Бахметев, в 1729 г. был назначен воеводой в Алатырь;¹⁶ более чем вероятно, что отец Назарьева по делам службы был знаком с ним: из документов следует, что в 1720 г. Петр Назарьев по указу правительствующего Сената определен в нижегородскую губернию земским комиссаром, затем был «в нижегородской губернии у свидетельства пустот и у взыскания доимок и *отправлял в небытность воевод воевоцкие должности беспорочно*»¹⁷ (курсив мой. — Т. А.), а это означает, что временный и вновь назначенный воеводы должны были встречаться. Территориальные и биографические пересечения в свою очередь объясняют появление в доме А. И. Бахметева Никанора-Назарьева.

Связь с реальностью прослеживается и в любовной канве романа. В свое время В. Б. Шкловский настаивал на сугубо книжном происхождении образа Анеты, считая, что любовь Никанора к красавице из окошка, а также вся ее судьба заимствованы автором из литературных источников. Особенно подозрительным Шкловский считал ее иностранное, французское, происхождение. Однако обра-

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. II. К–П. М., 1964. С. 278 (№ 4432).

¹⁶ Ф. Р-й. Бахметев И. И. // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 603.

¹⁷ РГАДА. Ф. 286. Д. 249. Л. 825.

тим внимание на то, что героиня ставшего роковым для служебной карьеры Никанора любовного увлечения названа в тексте дочерью покойного французского полковника Де Клапир де К. Под этим именем, возможно, скрывается француз Де Клапье де Кулон (ум. в 1744 г.), находившийся на русской службе с 1712 г., сделавший в России стремительную карьеру и в конце жизни курировавший Артиллерийский корпус, в том числе и инженерную школу, где с весны 1743 г. учился А. Назарьев.

Когда героиня, переодевшись в мужское платье, убегает из дома, она называет себя «вымышленной фамилией» Блюм. Но в списках инженерного ведомства есть сведения о том, что в 1748 г. из инженерного корпуса «выключен» кондуктор фон Блюм, который был сослуживцем Назарьева. Аналогичная ситуация имеет место, когда, спасаясь от опасности, Анета уезжает в Варшаву к другу добродетельного Шпангута купцу Берхану и называет себя дворянином Демарином, который якобы приходится племянником ее отцу Де Клапиру де К. Однако в документах инженерного ведомства за 1746 г. значатся рисовальных дел мастер Берхан и служивший в гарнизоне Санкт-Петербурга инженер-майор Демарин.¹⁸

Эти факты в равной степени могут быть доказательством как вымышленности героини (в таком случае автор просто использовал знакомые ему фамилии), так и отражения в ее судьбе и судьбе героя каких-то реальных событий. Сегодня, по прошествии более двухсот лет, трудно, почти невозможно выяснить, была ли причиной отставки Назарьева любовная история, как это мотивировано в романе; было ли использование имен сослуживцев и просто знакомых лиц своеобразной авторской игрой или имеет место трансформация реальных событий, однако не исключено, что в жизни Назарьева была подобная любовная история, а это означает, что воспринимаемое сегодня как вымысел может оказаться событием жизни писателя.

Так, можно предположить, что, как и его герой Никанор, он был межевщиком,¹⁹ разорился и узнал нужду; служил учителем в бога-

¹⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2, оп. ШГФ. Д. 905, 582.

¹⁹ В Каталоге Писцового архива Межевой канцелярии, в котором отражено содержание Дел Приказного стола Межевой канцелярии, содержится информация о том, что в июне 1769 г. подканцелярист Назарьев подал прошение о выдаче ему

том доме, а в конце жизни, придя в нищенское состояние, стал приживалом.²⁰ Возможно, торопливый «эпилог» романа, из которого становится ясно, что перед смертью Никанора разбил паралич, также каким-то образом соотносится с последними днями жизни автора и может служить основанием для определения даты смерти А. Назарьева — не ранее, а может быть, и не позднее 1789 г.

Знакомство с документами обнаруживает на первый взгляд незначительные совпадения, которые в то же время приобретают значимость, «населая» пространство вокруг Назарьева и выявляя связи между автором и его героем. Так, в третьей, наиболее условной, части

жалованья (РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2, ч. 1. Л. 166; выражаю благодарность А. А. Голубинскому за предоставление данной информации). Само дело, как свидетельствует позднейшая пометка, было уничтожено в 1872 г., поэтому невозможно с полной уверенностью утверждать, что этот документ имеет отношение к автору и герою нашего романа, то есть что данное прошение было подано именно А. П. Назарьевым. Однако вероятность совпадения велика. На это указывает совокупность по крайней мере трех факторов: совпадение фамилий автора романа и просителя; указание героя романа на то, что он служил межевщиком; время подачи прошения (1769 г.) и время проведения межевания в Московской губернии (1766–1768), где, согласно географии его публикаций в 1760-е гг., обретался Назарьев. Совпадение знаменательно еще и потому, что оно не противоречит проскальзывающим в романе намекам на нищенское положение героя в разные годы жизни. Добавим, кстати, что подканцеляристы, приказные служители, занимавшиеся переписыванием различных бумаг, относились к низшей группе чиновников, самой многочисленной и самой низкооплачиваемой; эти должности, как правило, занимали выходцы из бедных слоев, не дворяне. То обстоятельство, что служилый дворянин Назарьев оказался в этой среде, свидетельствует о его крайне тяжелой жизненной ситуации. В любом случае этот «след» тоже может стать (при дальнейших разысканиях) подтверждением биографической основы романа.

²⁰ В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1787 г., в № 1, на странице 23 помещено любопытное объявление: «Некоторый с достоинствами офицер желает определиться в какой-либо знатный дом для домоводства или для управления вотчин, при чем он обещает служить беспорочно, со всякою точностию и усердием. О жительстве его спросить можно у вдовствующей г. Баронши Ирины Захарьевны фон Фридрихши, за инженерным кадетским корпусом». Вряд ли можно утверждать, что данное объявление имеет прямое отношение к герою нашего сюжета, хотя указание на Инженерный кадетский корпус делает такое предположение не невозможным. Речь в данном случае о том, что ситуация обнищания, отсутствия жилья и надежного источника доходов была в то время распространенной, и в этом отношении судьба героя романа Назарьева была типичной, чем в немалой степени объясняется его популярность.

романа Никанор упоминает, что, приехав по имущественным делам в Петербург, он с семьей остановился на Большой Морской улице. Однако главный типографщик И. К. Шнор, у которого Назарьев в 1775 г. издал первую часть своего романа, в это время тоже живет «в Большой Морской, в доме господина Абухова».²¹ При этом лихорадочные перемещения героя из Москвы в Петербург и обратно, описанные в третьей части романа, могут быть соотнесены с географией публикации А. Назарьевым своих произведений в разные десятилетия его жизни.

Отец Назарьева служил при взыскании доимок с раскольников, и этим биографическим обстоятельством, очевидно, объясняется упоминание в третьей части романа «Несчастный Никанор» о знакомстве героя со старообрядческой верой.

Как любопытное, хотя и косвенное, свидетельство, которое может «документировать» третью часть романа, можно рассматривать сведения в материалах второй ревизии (1744 г.) по Алаторскому уезду о том, что отец Александра Назарьева Петр Назарьев имел крепостных в селе Сара и в других деревнях Алатырского уезда — в деревне Масловка 17 душ, в селе Липовка 82 души,²² здесь же указывается, что эти души «были прежде за братом Иваном Ильиным Назарьевым»; согласно документам, и крестьяне села Сара также ранее принадлежали Ивану Ильину Назарьеву.²³ Возможно, эти сведения проливают свет на описанные в третьей части имущественные тяжбы между Никанором и его двоюродными сестрами. Обобравшая Никанора двоюродная сестра извещает приказчика «села Л...» о том, что все крепостные этого села принадлежат ей, а не прежнему хозяину Никанору: за сокращением Л... может скрываться упоминаемое в документе село Липовка.

Интерес в этом контексте представляет письмо Петра Назарьева из Липовки помещику П. С. Пазухину от 26 сентября 1732 г., в котором он просит адресата «отдать немедля недоплаченные 3 рубля, чтоб мне доброму человеку не солгать»:²⁴ письмо характеризует отца А. П. Назарьева как порядочного человека, кроме того, под-

²¹ Собрание новостей ежемесячное. Сентябрь. СПб., 1775. С. 3 об.

²² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 532 и 633 об.

²³ Там же. Ед. хр. 38. Л. 117.

²⁴ РГБ. Паз. XVII/91.

тверждает версию о том, что история обнищания героя романа Никанора отражает аналогичные события в жизни писателя.

Все, что сегодня известно об А. Назарьеве, позволяет предположить, что он, как правило, опирался на связи, знакомства; соответственно в истории Никанора и его семьи, какой она предстает в третьей части и в романном обрамлении, тоже, скорее всего, имеет место реальная основа, отсылающая к биографии А. Назарьева.

Однако реальная историческая действительность отразилась в романе не только деталями биографии Назарьева, но и повседневной жизнью эпохи. Безусловно, соотношение литературной традиции и документального материала в разных частях романа неравнозначно: в первой части служебная биография А. Назарьева как бы «упакована» в романический сюжет; реальные впечатления о быте и нравах жителей Риги, о самом городе, где происходит действие, не проникают в рассказ героя; «установка на подлинность» (Л. Я. Гинзбург), которая проявляется в биографических сведениях, в форме повествования от первого лица, носит ограниченный характер и не противоречит условно-литературной картине мира. Во второй части «романизация жизни» уступает место «мемуаризации романа», условная стихия почти полностью вытесняется историческим материалом: герой встречается с реальными людьми, чьи фамилии, должности указываются в тексте, повествование начинает походить на дневник или мемуары, влияние «литературы» минимально. В третьей части взаимодействие реального жизненного материала с условно-литературным осуществляется по иным законам: по словам В. Б. Шкловского, в мир документированной реальности вдруг врывается «инерционная стихия» — появляются условные имена Смирена, Правосуд, Огорчена,²⁵ характерные для поэтики сатирической прозы и комедии XVIII в. Однако именно в третьей части, а также в некоторых фрагментах романного обрамления наиболее полно отразились приметы повседневной жизни представителей разных социальных слоев: городской демократической среды, сельских помещиков, крестьян, раскольников. «Несчастный Никанор», начавшийся как романизованная биография, стремится стать социально-бытовым романом.

²⁵ Шкловский В. Б. Матвей Комаров, житель города Москвы. С. 279.

Закономерности литературного процесса в целом и типологические свойства массовой литературы позволяют объяснить заметное отличие между соответственно первой и второй частями романа и его третьей частью. Массовая литература, прологом которой можно считать «низовую» роман XVIII в., всегда склонна эксплуатировать коммерческий успех; «серийность» является характерной особенностью произведений данного рода литературы. В этом отношении «дописывание» романа спустя десять лет соответствует законам массовой литературы. В то же время автор должен учитывать изменяющуюся конъюнктуру и ожидания читателя. Было ли это результатом осознанной авторской рефлексии А. Назарьева или нет, но нельзя не признать, что изменение жанровых традиций от первых частей к заключительной третьей достаточно точно отражает изменение эстетических вкусов русской читательской аудитории от десятилетия к десятилетию: внедрение биографического элемента в роман и внимание к эмпирической действительности свидетельствуют о возникновении в обществе интереса к индивидуальной судьбе, к индивидуальному опыту — в противовес господствовавшему в риторическую эпоху интересу к общему, универсальному.

По мнению В. В. Сиповского, роман «Несчастный Никанор» отличается от произведений его современников бытовая достоверность: «...все детали этой широкой картины до такой степени правдивы и жизненны, что <... > роман имеет историческую ценность самых бесприязнательных записок, в роде записок Болотова», и даже несомненная «литературность» патетических монологов и мелодраматических излияний героев не может снизить общее впечатление подлинности человеческого документа.²⁶

В последней трети XVIII в. в повседневной жизни русского дворянства появились новые явления, связанные с организацией быта и досуга, которые отразились в «Несчастном Никаноре». Увлечение игрой в карты, занятия живописью, стихотворством, хиромантией и гаданием на картах, устройство садов в поместьях обусловили появление соответствующих эпизодов в жизни Никанора. Так, потеряв в результате происков двоюродных сестер имение, попытав счастье в делании «веерков разных сортов, деревянных и ко-

²⁶ Сиповский В. В. Очерки. С. 673 и 696.

стяных, также и из морских раковин на тафте и на пергаменте с живописью»,²⁷ герой занялся рисованием картин. Фигура живописца была характерна для тогдашней провинции: картинами украшали свои имения помещики, а также купцы, ремесленники, представители духовенства.

В дальнейшем Никанор по совету друзей начинает в качестве домашнего учителя обучать детей «инженерной и артиллерийской науке». В одном доме он быстро научил своих подопечных арифметике и геометрии, не утруждая, впрочем, их и себя; в другом доме занятия велись более строго: «поутру в семь часов обучались они (сыновья хозяина. — *Т. А.*) до одиннадцати часов арифметике, а пополудни третий час рисовали, потом до шестого часу учились геометрии».²⁸ Учиться рисованию начала и семнадцатилетняя дочь хозяина, что по законам романного повествования быстро сменилось «наукой страсти нежной». Стоит заметить, что обучение девушек искусствам началось в России именно в последней трети XVIII в. Одним из детей «своего милостивца» Никанор учил не только арифметике и геометрии, но и стилю писем на русском языке, в то время как другие учителя обучали ребенка французскому и латинскому языкам. Выбор предметов отражает практику тогдашнего образования.²⁹

Помимо учительских обязанностей, герой выполняет и другую работу. Так, он занимается планированием садово-паркового пространства, и в описании его проектов угадываются характерные для обустройства быта 1760–1770-х гг. тенденции и вкусы: «Итак, приехали мы благополучно в деревню, а как оный господин еще недавно расположился жить в оной, то и построил новый домик в одной небольшой, но положением места прекрасной долине, на самом крутом берегу большой реки; в прочем ни саду, ни прудов и никакого украшения еще не было сделано <...> итак, сняв я ситуацию на бумагу, сделал перспективную дорогу от дому его прямо к городу <...> оный берег до самой воды украсил некоторыми ре-

²⁷ Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****. М., 1789. Ч. 3. С. 89 (в этом издании количество звездочек семь, а не восемь, как в других).

²⁸ Там же. С. 154–155.

²⁹ Чечулин Н. Д. Русская провинция. С. 565–571.

гулярными расположениями и хорошую для шлюбок сделал пристань; по обе ж стороны того домику по батарее, и на каждой поставлено было по осьми пушек, у него ж были в той деревне две изрядные шлюбки, то когда случалось в оных прогуливаться, тогда с батареей производилась пальба».³⁰ Дом на горе, регулярный парк, пальба из пушек соответствуют провинциальной моде, поскольку дворяне переносили в свои деревни все, что видели в столицах.

В романном обрамлении, где рассказывается о жизни главного героя «в отдаленном от столицы городе», также отразились приметы повседневной жизни провинции. Бедный приживал Никанор оказался вхож в разные дома, потому что умел угодить хозяйкам: «играл с ними в маленькую игру для препровождения времени — в кадрили и в ломбер; между тем употреблял всякие пристойные шутки, пел и сочинял песни; также сочинял оды и всякие увеселительные стишки, смотрел им на руки, будто бы учен он был хиромантии <...> сказывал им сказки и истории, на святках производил с ними всякие игры и гадания, в маскарадах одевался в женское платье; словом сказать, все то делал, что в угодность им служило».³¹ Это описание показывает, что в русском провинциальном быте приметы нового уживались с чертами патриархального устройства: так, в пределах процитированного отрывка фигурируют старинные святки и новомодные маскарады, сказки и оды.

В романе отразились и простота нравов, грубоватые шутки и развлечения русского провинциального дворянства. Например, рассказывается о том, как скуки и вредности ради одной госпожой была разыграна мнимая смерть Никанора, который якобы утонул в пруду, в результате чего веселый пикник с его участием, задуманный компанией молодых дам, обернулся безуспешными поисками мнимого утопленника. Глупая история не вызвала ни у кого неприятия, напротив, все «весьма много смеялись такой выдумке».

Простота нравов русской провинции контрастирует с «политичным» обхождением дворян острова Даго, быт которых несет следы европейского культурного пространства: у ученой дамы Ловизы большая библиотека, по словам ее мужа, она «промотала» его со-

³⁰ Несчастный Никанор. Ч. 3. С. 153–154, 160.

³¹ Там же. Ч. 1. С. 5.

стояние именно на книги. Состав библиотеки отражает энциклопедические пристрастия века Просвещения: «Всяких по малой части имею <...> имею также отчасти инженерных и артиллерийских, а по большей части астрологических и ботанических». ³² В доме есть «астрономическая труба», хозяйка и ее дочь владеют языком иносказаний, принятым в европейских салонах. Разговор с хозяйкой дома «о некоторых физических вещах» заставил героя бледнеть и краснеть, поскольку образование, полученное им в инженерной школе, не соответствовало кругозору европейского дворянства.

Жизнь входит в роман «Несчастный Никанор» и в собственно литературном, поэтическом преломлении: впервые в русской литературе именно в этом произведении появляется пишущий герой, поэт, в текст включено множество стихотворений, написанных им по разным поводам. В этом также отразилась характерная особенность дворянского быта: Н. Д. Чечулин отмечает, что начиная с 1760–1770-х гг. стихотворство наряду с занятиями живописью стало почти обязательным в среде среднего дворянства, а в 80-е гг. умение «слагать стихи стало почти требованием моды». ³³

Что же перед нами: мемуаризованный роман или романизованная биография? Другими словами, что стояло у истоков произведения — литературные образцы или жизнь? Думается, и то и другое. Вводя исторически достоверный и биографический материал в романное повествование, используя форму повествования от первого лица, А. Назарьев опирался на традиции как переводного западноевропейского, так и отечественного романа. Эти приемы позволяли романистам обеспечить доверие читателя к романному вымыслу. Кроме того, в контексте истории массовой литературы документальные и биографические интерполяции в романное повествование являются типологическим свойством поэтики подобного рода произведений, которые ориентированы на буквальное воспроизведение повседневности во всех ее неуловимых подчас приметах.

Важно и другое. Сопряжение литературы и документа в романном тексте может быть интерпретировано и как своеобразная пси-

³² Там же. Ч. 2. С. 10.

³³ Чечулин Н. Д. Русская провинция. С. 507–508.

хологическая компенсация для автора, который таким образом «проигрывает» возможные варианты своей судьбы, представляя себя в масках разных литературных героев. Для А. Назарьева (если считать, что автором романа был все-таки он), который, скорее всего, принадлежал к категории «несчастливых» героев, не выдерживающих схватки с судьбой, о чем недвусмысленно свидетельствуют обстоятельства его биографии, отразившиеся в романе, такой компенсацией была ролевая маска победителя женских сердец. Однако в контексте обозначенного в статье перехода вымысла в документ вполне можно предположить, что и истории любовных побед Никанора были не вымышленными, а вполне реальными событиями жизни автора романа. Это означает, что дальнейшие поиски в архивах могут полностью документировать роман и благодаря этому не только восстановить имя автора, но и историю его жизни.